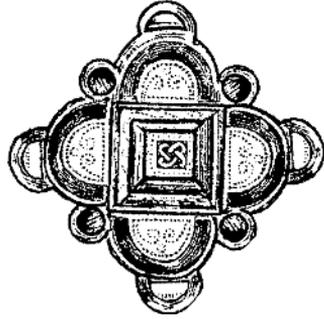

ПРОЛОГ

Льдистый ветер, налетая, злобно и резко кусал за руки, толкал в грудь и сводил скулы холодом. Двое, содрогаясь под его порывами, тем не менее продолжали взбираться по железным ступенькам, от одного прикосновения к которым немели обожженные холодом ладони. И все же эти двое вползали, словно оберегаемые лунатической силой, и без всякой оглядки чувствовали за спиной темную, глухо ропщущую внизу толпу.

Оба были издалека, с юга. Односельчане из Миддлсекса, занесенные сюда бог весть какими ветрами вместе с хозяином, которому поступило указание от самой королевы Маргарет — так что хошь не хошь, а полезешь.

Сюда они прибыли верхом от замка Сандал, где на окровавленной земле лежали сейчас груды бледных, донага раздетых тел. Преодолевая вьюжистые ветры, гости доставили в город Йорк три холщовых мешка.

Сэр Стивен Редде наблюдал за происходящим снизу, одной рукой прикрываясь от колких мелких снежинок. Ворота Миклгейт-Бар¹ были выбраны не случайно.

¹ М и к л г е й т - Б а р — главные ворота г. Йорк. Самая старая их часть датируется 1100-ми гг.

Именно через эту башню в Йорк с юга въезжали английские короли. Сейчас не важно, что троих посланцев со всех сторон хлестко осаживала вьюга или что мглистое предвечернее небо было подобно пыльной туче. Над ними довлела монаршая воля, которой все трое были верны.

Годуин Халиуэлл и Тед Кёрч достигли узкого деревянного выступа над толпой, пробираясь бочком и поминутно припадая к стене из опасения, как бы особо злобный порыв ветра не сорвал их с этой жердочки. Толпа внизу ширилась, чуть поблескивая снежистой присыпкой на волосах и шапках. А из домов, лачуг и ночлежек все сбредалось, все прирастало многолюдство... Кто-то снизу выкрикивал вопросы тем из местных, что теснились на стенах. Ответных возгласов не слышалось: караульщики сами ничего толком не знали. В дюжине футов над землей торчали железные штыри, дотянуться до которых снизу у друзей казненных не было возможности. Всего штырей было шесть, на совесть вогнанных в раствор римской кладки. На четырех из них все еще торчали полусгнившие головы, зияющие над воротами черными дырками ртов.

— А с этими-то что делать? — спросил Халиуэлл, беспомощно кивая на рядок безмолвных «тыкв» между ним и Кёрчем. Как быть с останками преступников, указаний не было. Годуин тихо ругнулся. Терпение было на исходе, а тут еще непогодь словно взбесилась, яростью своей проверяя людей на прочность.

Гневом глуша свое отвращение, Халиуэлл протянул руку к крайней голове, во рту которой вились нетающие снежинки. Вздор, понятное дело, но никак не удавалось унять в себе глухой страх быть укушенным мертвецом: сунешь руку, а он щелк зубищами, как капканом! Поэтому Годуин, как мог, запустил пальцы снизу и, поддев голову, попытался сдернуть ее со штыря. Попытка удалась, но при движении он сам накренился так, что

чуть не улетел вслед за головой в клубящиеся сумерки. Ахнув, Халиуэлл вцепился растопыренной пятерней в шершавый камень. Толпища внизу с многоголосым криком раздалась в стороны, в суеверном страхе перед пущенными с воротной башни увесистыми косматыми шарами.

Вдоль стены Халиуэлл переглянулся с Кёрчем. Во взглядах обоих сквозило угрюмое смирение: ничего не поделаешь, кому-то же надо делать эту неприятную работу на глазах у толпы, судачащей внизу, в безопасном отдалении. Остальные головы не сразу, но тоже поддались. Одна бахнулась прямо о камни внизу, лопнув, как дрянной горшок.

Вообще-то Годуин думал, что им нет необходимости очищать *все* штыри. Голов с ними было всего три, в двух мешках, но подумалось, что все же не след помещать эти сановные, добытые в бою головы рядом с обычными преступниками. Мелькнула, правда, и мысль, что Христос на Голгофе был распят бок о бок с двумя разбойниками, но Халиуэлл лишь тряхнул головой, сосредотачиваясь на своей работенке.

Под завывание ветра он снял с плеча мешок и стал рыться в нем, цепляясь пальцами за локоны волос. От крови головы припеклись к мешковине, так что пришлось вывернуть мешок чуть ли не до половины (за этим занятием Халиуэлл чуть снова не навернулся со стены). Натужно сопя от страха и одолевающей его усталости, он наконец, придерживая мешок, выпростал наружу голову Ричарда Невилла, графа Солсбери. Обвившиеся вокруг пальцев жидковатые пряди были серо-стальными, а глаза не закатились — они словно смотрели с обмякшего лица в упор, бессонно стекленея в колеблющемся факельном свете. Бормоча полузабытые слова молитвы, Халиуэлл сделал неуклюжую попытку перекреститься или хотя бы закрыть глаза. Он-то считал, что привычен к ужасам от и до, но когда на тебя вот так неотрывно глядит покойник, это все-таки

что-то из ряда вон. Насадить на штырь голову оказалось не так-то просто. Разъяснений на этот счет Годуин ни от кого не получал (можно подумать, любому приличному человеку творить такие дела — это «ничего особенного»!). Когда-то, еще мальчишкой, он с дюжиной ребят целое лето набивал руку на забое свиней и овец, но это был все-таки скот, а труд имел свою цену: полученный фардинг или лоснящийся кус печенки для домашнего стола. А это... Видимо, где-то у основания черепа есть место, которым можно насадить голову на острие, но поди сыщи его в почти уже сгустившихся потемках. Стуча зубами и смаргивая на ветру подмерзшие слезы, Халиуэлл непослушными, вконец замерзшими пальцами вершил свое дело. Все это время толпа внизу тихо гудела, наблюдая и выкликая имена убиенных.

Железный штырь вонзился как-то разом, будто сам собой, пронзив мозг и стукнув изнутри по черепной макушке. Годуин издал облегченный вздох. Внизу в толпе многие закрестились, словно встрепетнули крыльями птицы.

Он вытащил вторую голову с темными плотными волосами, гораздо гуще жидковатых седых прядей первой. Ричард, герцог Йоркский, на момент смерти был чисто выбрит, хотя, как известно, щетина через какое-то время появляется и у мертвых. Точно, вот она, чувствуется по неприятной шершавости скулы! Стараясь не смотреть на мертвое лицо, Халиуэлл примерился и, плотно зажмурившись, насадил голову на один из пустующих штырей. Ладонью, с которой сочилась жижа, он сотворил крестное знамение. В этом же ряду Кёрч насадил около головы Йорка еще одну голову. Сюда уже донеслась молва, что с ней вышло вроде как неладно. Сын Йорка Эдмунд якобы бежал с поля боя, а барон Клиффорд поймал его и обезглавил просто так, чтобы насолить его отцу. Все головы были еще свежи, с отвисшими челюстями. Годуин слышал о гробовщиках, пришивающих челюсти ниткой к щекам или при-

лепляющих их куском смолы. Хотя какая разница — мертвец, он и есть мертвец.

Тед Кёрч уже поворачивал обратно к вделанным в камень железным ступенькам. Халиуэлл собирался сделать то же самое, когда услышал снизу властный окрик своего хозяина, сэра Стивена. Слов из-за ветра было почти не разобрать, но память воскресла, и Годуин злобно чертыхнулся.

На дне мешка у него лежала бумажная корона, заскорузлая и темная от запекшейся крови. Халиуэлл вынул ее и расправил, искоса глядя на голову Йорка. В поясной сумке имелась горстка шпеньков, нарезанных из сухого тростника. Бурча что-то насчет людской глупости, Годуин нагнулся к голове и поочередно, локон за локоном, примотал темные волосы к шпенькам, а шпеньки вонзил в корону. Возможно, какое-то время она и продержится (башня какую-никакую, а защиту от ветра дает), или же бумагу сорвет одним из порывов — и тогда она скорбной птицей полетит над городом, не успеет он, Халиуэлл, еще спуститься с этих окаянных ступенек. Какая, в сущности, разница? Мертвый, он и есть мертвый. Тут уж небесным властителям никакого дела нет до того, из бумаги корона, из золота или из чего еще. А потому сама попытка уколоть этим покойника глупа и бессмысленна.

Осмотрительно, ощупью Халиуэлл подобрался к лестнице и на негнущихся ногах стал одолевать первые ступени. Когда его глаза поравнялись с рядом нанизанных голов, он приостановился, глядя на них. Что ни говори, а Йорк был человеком славным, храбрым — так о нем все отзывались. Да и Солсбери тоже. Меж собой они оспаривали трон — и вот гляди-ка, лишились всего. Когда-нибудь можно будет рассказывать внукам, что это он, их дед, нанизал голову Йорка над городской стеной.

На какое-то мгновение Годуин словно ощутил чье-то незримое присутствие, дыхание или дуновение на своей шее. Стало не по себе. Даже ветер ослаб. В тихом страхе люто

замороженный Халиуэлл взирал на немые головы этих некогда сказочно богатых и властительных, а теперь всего — даже тела — лишенных людей.

— Господь да будет к вам милостив, — прошептал он. — Да простятся вам грехи, коли вы сами не успели Его об этом попросить. Пусть приютит вас у себя. Спаси и помилуй вас всех. Аминь.

После секунды пронзительной тишины Халиуэлл начал торопливо спускаться вниз, в колышущуюся с глухим ропотом толпу и зимнюю стужу, будь она неладна.

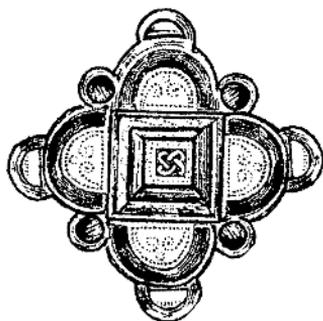
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1461

Забавник сей с кинжалом под
плащом...

Джеффри Чосер
«Рассказ рыцаря»

— Нечего сгущать краски, Брюер! — надменно бросил с седла Сомерсет, поднимая лицо навстречу ветру. — «Господь шел пред ними *в столпе облачном*»¹, не так ли? «*Columna nubis*»², если вы удосужились затвердить Книгу Исхода. Черные нити восходят и тянутся, Брюер! И то, что это вселяет страх Божий в сердца тех, кто еще смеет нам противостоять, вовсе не так уж плохо.

Молодой герцог обернулся через плечо на голый простор слякотных, уже схваченных морозцем растоптанных дорог, змеящихся позади.

— Людей надо кормить: к этому нечего ни прибавить, ни убавить. Что значат несколько деревенок с крестьянами после всего того, что мы уже осуществили? Да я бы само небо спалил дотла только за то, чтобы мои парни как следует поели! А? В эдакую холодину они б не возразили погреться хотя бы от пожара.

— Тем не менее новости спешат впереди нас, милорд, — упрямо заметил Дерри Брюер, игнорируя темный юмор.

¹ Книга «Исход» 13.21. «Господь же шел пред ними в столпе облачном, показывая им путь».

² Облачный столп (*лат.*).

Он по-прежнему стремился блюсти каноны сдержанности, хотя у него у самого от голодухи живот, казалось, прирос к спине. В такие минуты Дерри жалел, что рядом нет старого Эдмунда Сомерсета с его утонченностью и проникательностью. Сын прыток умом и сметлив, но в нем нет глубины. В свои двадцать пять Генри Бофорт обладал непререкаемой уверенностью вояки, которая привлекает и за которой следуют. Капитан из него вышел бы отменный. Но, к сожалению, он командовал всем королевским войском. Памятуя об этом, Брюер попытался еще раз довести суть своих слов:

— Милорд, наши посыльные бегут к югу с вестями о смерти Йорка, в то время как мы останавливаемся в каждом городке для пополнения запасов. Хватает уже того, что наши застрельщики грабят, мародерствуют и убивают, а армия на марше настигает их только к исходу дня — время, которое местные используют, чтобы примчаться и предостеречь следующую деревушку на нашем пути. Добывать провиант, милорд, становится все трудней и трудней, особенно когда те, у кого мы рассчитываем поживиться, предпочитают свое добро прятать. И я уверен, что вы знаете, отчего происходят поджоги. Если в каждой деревушке, через которую мы проходим, требуется скрывать следы преступлений, то против нас ополчится вся страна, не успеем мы еще дойти до Лондона. Не думаю, милорд, что таково ваше истинное намерение.

— Не сомневаюсь, Брюер: своим красноречием вы способны убедить и родителя отдать вам своих детей. Не сомневаюсь, — снисходительно повторил герцог Сомерсетский. — У вас всегда наготове веский аргумент. Тем не менее что-то засиделись вы при королеве. И как она вас столько времени терпит? — Сомерсет так был уверен в своем звании и силе, что ему ничего не стоило добавлять в свои слова обидной уничижительности. — Да, в этом, я думаю, корень зла. У ваших замыслов чрезмерно длинное плечо, при вашем... Все это *французские шепотки*, Брюер, так это называется. Возможно, когда мы доберемся

до Лондона, вы будете заставлять нас терпеливо выжидать на всех местных рынках, где божбой, где мольбой вымогая себе миску похлебки или каплуна пожирней. Да, при вас мы заморимся окончательно. — Его голос возрос до чеканности и теперь разносился по шагающим вокруг воинским рядам. — Нынешний день принадлежит вот этим людям, вы меня слышите? Гляньте на этих храбрых молодцов, как они маршируют по стране — целые мили лучников и ружей, еще свежих после решающей победы. И оружие у них наготове! Сам их вид говорит о том, что битва их была великолепна. Зрите же их гордость!

Крещендо в его голосе требовало отклика, и люди вокруг победно взревели. Генри Бофорт надменно повел взглядом на Дерри.

— Они проливали кровь, Брюер. И они повергли врага. Теперь мы откормим их говядиной и бараниной, а затем бросим на Лондон, вы понимаете? Мы заставим графа Уорика выдать нам короля Генриха и униженно просить пощады за все содеянное.

Сомерсет рассмеялся каким-то своим мыслям, видимо, представляя эту сцену в воображении.

— Истинно вам говорю: мы отладим миропорядок, как встарь. Вы понимаете это, Брюер? Ну а если люди слегка порезвились в Грантхэме и Стэмфорде, Питерборо и Лутоне, так это не важно! Если они обчищают по дороге кладовые и закрома, так значит, владельцам того добра надо было просто служить *нам*, а не своему Йорку! — Генри хватило благоразумия понизить голос до бормотания. — Ну а если они перерезали парочку-другую глоток или помяли сколько-то там деревенских девок, то это, наверное, лишь разгонит им кровь. Мы *победители*, Брюер, поймите ж вы наконец! А вы, я вижу, даже для виду не с нами. Ну так пускай в вас покипит желчь, на пользу вашим злокозненным потрохам.

Дерри глянул на молодого герцога, с трудом скрывая гнев. Генри Бофорт был обаятелен и по-мужски красив, а говорить мог цветисто и многословно, чтобы согнуть со-